

Из истории изучения общественного мнения в России

Борис ДОКТОРОВ

"...О себе и своем разномыслии..."
Интервью с Борисом Фирсовым

Это интервью с Борисом Максимовичем Фирсовым — один из фрагментов нашего не прерывающегося много десятилетий разговора обо всем. Мой отъезд в Америку в 1994 г. лишь увеличил физическое расстояние между нами и сделал еще более приятной и памятной каждую из наших встреч. А их было уже много: и в России, и в Америке. В июне 2004 г. Борису Максимовичу исполнилось 75 лет. Это интервью мы назвали постюбилейным, и хотя в основном разговор касается прошлого и сделанного, это не подведение итогов. Это разговор друзей, но одновременно это и документ, рассказывающий о судьбе одного из пионеров российской социологии.

До вступления на социологическую тропу: 1929–1962 гг. Вопрос: Борис Максимович, даже притом, что биографии ряда советских социологов первого поколения включают в себя период освобожденной комсомольской и партийной работы, твой путь в социологию уникален. Ты получил техническое образование, и затем весьма успешно складывалась твоя партийная и административная деятельность. Не мог бы ты обозначить основные вехи этого движения, выделяя те обстоятельства, которые потом привели тебя в социологию?

Я вышел из блокадного и военного времени с громадным запасом жизненного оптимизма и желанием стать полезным обществу человеком. Окончил в феврале 1954 г. Ленинградский электротехнический институт имени В.И.Ленина (ЛЭТИ), один из самых престижных вузов города, и получил диплом инженера-электrofизика с отличием. Уже на третьем курсе я был избран секретарем институтского комитета ВЛКСМ и с толовой ушел в общественную работу. Лекции "мотал", пользуясь правом свободного посещения занятий, но лабораторные, курсовые работы и экзамены сдавал в срок, не разрешая себе никаких поблажек. Иначе бы я утратил моральное право призывать студентов-комсомольцев быть примером в овладении знаниями. Служение ЛЭТИ было нравственным императивом институтской профессуры и через нее — ядру студенческой массы, состоявшей из двух частей. Одна из этих частей — фронтовики, хорошо знавшие цену жизни, право на которую

они отстаивали на фронтах войны. Их целеустремленность заражала. Вторая часть — вчерашние школьники, но с опытом переживания тягот военных лет, представители первого в советской истории непоротого поколения, с пробудившимся интересом к культуре, литературе, театру, спорту, джазу. Им, правильнее сказать в первом лице — нам, мне, еще предстояло пережить шок от ужасов сталинского прошлого. Не ведая, когда наступит прозрение, мы радостно глотали жизнь, оберегаемые родительской любовью и мудростью.

На моих глазах ЛЭТИ стал "эстрадно-музыкально-спортивным вузом с небольшим электротехническим уклоном". Комитет ВЛКСМ вуза, надежно прикрытый парткомом, состоявшим из трех поколений фронтовиков (преподаватели, аспиранты, студенты), находился у истоков этого принципиального изменения — создания дружественной культурной среды. Чтобы сделать понятной причинно-следственную связь между комсомольской работой и этими достижениями, скажу на современном языке, что комитет ВЛКСМ был деятельным спонсором и инициатором многочисленных начинаний. Поддерживать и воплощать их в жизнь было интересно.

В итоге вместо того, чтобы принять предложение кафедры — поступить в аспирантуру ЛЭТИ и заниматься электронной оптикой, я стал общественным деятелем, последовательно избираясь на должности секретаря райкома комсомола (1953–1956 гг.), секретаря обкома

ВЛКСМ (1956–1959 гг.), а затем и первого секретаря Дзержинского РК КПСС Ленинграда (1959–1962 гг.). Эта эволюция требует объяснения. Я бы хотел только обезопасить себя от подозрений в карьеризме.

Вопрос: *Все двигалось успешно, почему ты ушел от "освобожденной партийной работы", как тогда это называлось?*

Конец "освобожденной партийной работе" наступил совершенно неожиданно, в мае 1962 г. Хотя мое смещение с поста первого секретаря райкома партии, высокой номенклатурной должности, было предreshено за год до фактического дня "перехода на другую работу", о чем я узнал гораздо позже. Вот как это было. Весной 1961 г. всех первых секретарей РК КПСС Ленинграда на один день командировали в ЦК партии. Нам объявили, что огненные мы включены в так называемую учетно-контрольную номенклатуру ЦК КПСС и с каждым из нас персонально хотят познакомиться работники ряда отделов ЦК.

У меня было три беседы прежде, чем меня представили Чураеву, члену бюро ЦК КПСС по РСФСР. Моим собеседникам, включая Чураева, я мягко говорил о несогласии работать в партийном аппарате в Москве, объясняя это и семейными обстоятельствами, и желанием вернуться на работу по специальности, а также определенной "нелюбовью" к аппаратной работе как деятельности важной, даже почетной, но несамостоятельной. В сжатой форме я сказал Чураеву: «Партия много теряет оттого, что не дает возможности партийным кадрам периодически возвращаться к основам своей базовой профессии. Конечно, работа в партийном аппарате нужна, но заниматься ею "вечно" не следует. В общем случае профессиональная и освобожденная партийная работа должны чередоваться». Мой высокопоставленный собеседник, предложив мне чай с сухарями (это считалось знаком особого расположения к человеку, приглашенному на беседу в ЦК), не мешал мне высказываться и ни разу не возразил. Более того, он сказал, что понимает мое стремление вернуться в мир электронной оптики, написать диссертацию с тем, чтобы в этом новом качестве оказаться полезным для партии. Мы миролюбиво распрощались.

По приезде в Ленинград меня вызвали в обком партии. Первый секретарь обкома И. Спиридонов с некоторым раздражением сказал, что я подвел обком, отказавшись от чести работать в аппарате ЦК КПСС. Видимо, ЦК будет настаивать на том, чтобы "мягко", не называя истинной причины, перевести меня на другую работу. Через день Спиридонов сказал

по телефону, что дело улажено, и я могу продолжить выполнение возложенных на меня обязанностей. События последующих месяцев заставили думать, что меня "простили". Я был избран делегатом XXII съезда партии. После съезда многократно, не менее 30 раз, выступал с докладами об этом событии на партийных собраниях, разъясняя новую Программу КПСС и причины перезахоронения тела Сталина у Кремлевской стены.

На самом деле обком с трудом уговорил Чураева не настаивать на немедленном освобождении меня от работы ("никто нас не поймет, он хорошо работает, и люди его уважают"). Чураев со скрипом отвел ровно один год на то, чтобы меня "убрать" с партийной работы. Весной 1962 г. система исполнения указания пришла в действие. В течение месяца мне была предложена сначала должность директора театра оперы и балета имени С.М. Кирова. Моему удивлению не было предела. Затем сделали намек на то, что в связи с реорганизацией органов милиции и внутренних дел города и области мне проектируют должность заместителя начальника УВД. Наконец, последовал вызов в обком КПСС, и новый первый секретарь В. Толстикова объявил о намерении рекомендовать меня для поступления в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Из коротких комментариев следовало, что обкому сделан "втык" за рекомендацию "мудаков" для учебы в этой Академии, тогда как партия сейчас особо нуждается в умных и перспективных кадрах. Он добавил, что после учебы в Москве я с большой вероятностью буду выдвинут на должность секретаря обкома КПСС по агитации и пропаганде. 19 мая 1962 г. по звонку я был вызван на бюро обкома КПСС. Вошел в зал заседаний и еще в дверях, не успев присесть, услышал слова: "Есть мнение рекомендовать Б.М. Фирсова на должность директора Ленинградской студии телевидения". Решение было принято единогласно. Это было ровно год спустя после чаепития с Чураевым.

Телевидение — живое дело: 1962–1966 гг.
Вопрос: *Думаю, мало, кто из действующих сейчас социологов был участником съездов КПСС и занимал столь высокие, как ты, посты в партийной иерархии. Не мог бы ты сейчас припомнить свое мироощущение?*

На мое мироощущение в ту пору повлияли и смерть Сталина, и доклад Хрущева на XX съезде КПСС. Мой друг, петербургский математик А. Вершик заметил как-то, что одни люди смогли зафиксировать разрыв с системой уже в 1956 г. Он назвал их "пятидесятниками", которые свели свои отношения с властью до минимума или

стали уходить в оппозицию. Выбор других состоял в решении исправлять ошибки партии "изнутри". Это — "шестидесятники". Прозрение этой части советской интеллигенции наступит позднее. Многим из этой второй и довольно многочисленной группы, к которой я отношу себя, придется пережить серию "встрясок" от венгерских событий 1956 г., от пражской весны 1968 г., от афганской войны, начавшейся в 1979 г., прежде чем они изменят знак своего отношения к советскому общественному строю с "плюса" на "минус".

Исторически так сложилось, что именно "шестидесятники" составили ядро тех профессиональных когорт, которые пришли на телевидение в пору его бурного развития, начавшегося в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Они находились в многосложных отношениях с внешней средой, где уже начинали пускать корни инакомыслие, диссидентство, политический радикализм и либеральные взгляды. Внутренне сочувствие к этим явлениям были налицо при том, что сохранялась вера в возможность перемен к лучшему. Социальный конструктивизм и творческий активизм преобладали в их настроениях и поступках. Начало и середина 1960-х годов для тех, кто занимался теорией и практикой телевидения, было временем, когда сохранялся энтузиазм и поддерживалась вера в фантастическое будущее телевизионной музыки. Надежды на это основательно подогревало развитие советского телевидения — рост числа его каналов (программ), создание общесоюзной телевизионной сети, охватывавшей всю территорию СССР, строительство крупнейшего в Европе телецентра Останкино, открытие которого намечалось на ноябрь 1967 г.

Скажу без обиняков: работать на телевидении было захватывающе интересно. Ядро профессионалов, работавших на ленинградском телевидении, мои новые коллеги, видели свою миссию в интенсивном культурном просвещении телевизионной аудитории на основе высоких художественных стандартов. В итоге наиболее известные поэты (Б.Окуджава, А.Вознесенский, Е.Евтушенко, В.Солоухин, Б.Ахмадулина, Г.Горбовский и др.), критически настроенные молодые писатели (И.Ефимов, В.Марамзин, А.Битов, Я.Гордин, С.Довлатов), писатели-представители старших возрастных когорт (Ю.Герман, Д.Гранин, А.Володин и др.) были авторами, героями и участниками большого числа телевизионных передач. Самые громкие имена тогдашней театральной сцены, Г.Товстоногов, Н.Акимов, Ю.Толубеев, Е.Копелян, И.Смоктунский и другие, вступили в культурный диалог с телезрителями.

Вопрос: Мы еще не были знакомы, когда я слышал о телевизионной передаче, в которой говорилось о переименовании улиц Ленинграда. Позже слышал о ней от ветеранов ленинградского телевидения. В чем там было дело?

Передача "Литературный вторник" 4 января 1966 г. — апофеоз отношения студии с цензурой и стоявшим за нею обкомом партии. Она была посвящена социальному бытованию русского языка: проблемам топонимики, государственной политики, связанной с непрерывным переименованием городов и населенных пунктов, когда взамен исторических сложившихся названий городам присваивались имена деятелей советского государства, а затем эти новые названия отнимались, если деятель попадал под машину политических репрессий. Масла в огонь подлил академик Д.Лихачев. Он выступил в защиту культурной и языковой традиции Петербурга, в котором власти под влиянием скороспелых революционных мотивов изменили практически всю систему названий улиц и проспектов. Так, Галерная улица, расположенная в районе, где строились корабли в Петровскую эпоху, стала Красной. Но Красных улиц в стране тогда насчитывалось если не тысячи, то сотни, а Галерная улица была уникальной на всем пространстве Советского Союза. Все высказывания сводились к тому, что давление идеологии обедняет язык, стандартизует устную и письменную речь, мешает культурной идентификации жителей городов и страны в целом. Социолингвистическая дискуссия взвинтила партийные власти.

В документе (от 18 февраля 1966 г.), озаглавленном «Записка отдела пропаганды и агитации, культуры, науки и учебных заведений ЦК КПСС в связи с телепередачей Ленинградского телевидения "Литературный вторник"» было сказано: «Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, обсудив передачу "Литературный вторник", освободил от работы директора Ленинградской студии телевидения т. Фирсова, главного редактора литературно-драматических программ т. Никитина, принял меры по укреплению дисциплины и повышению ответственности работников студии. Ленинградскому комитету по радиовещанию и телевидению поручено подготовить передачу, отражающую марксистско-ленинские взгляды на развитие русского языка и русской литературы»¹. От этой "разборки" более всего пострадала телевизионная аудитория.

¹ Распятие. Писатели — жертвы политических репрессий. Вып. 6: Слово, взятое в цепи / Авт.-сост. З.Дичаров. СПб.: Издательство Русско-Балтийский информационный центр; БЛИЦ, 2000. С. 17-18.

Первые шаги по социологической тропе: 1966–1969 гг. Вопрос: В этой ситуации, почему ты не вернулся в ЛЭТИ или не вспомнил про АОН при ЦК КПСС, где ты мог без особого труда подготовить диссертацию, скажем, о партийном руководстве телевидением?

Заниматься в Академии да еще писать нечто о партийном руководстве телевидением (в духе этой Академии) было бы для меня самоубийством. Такое в мою голову прийти не могло, как говорят, по определению. Конечно же, я мог вернуться в ЛЭТИ с тем, чтобы стать преподавателем вуза. Но для этого требовалось не менее пяти лет — два года на то, чтобы преодолеть отставание в уровне профессиональных знаний и три года на подготовку диссертации, включая проведение технического эксперимента. Идти на это в возрасте 37 лет было сложно. К тому же во мне сидел "вирус" телевидения. Ведь я чувствовал необходимость его основательной перестройки в том, что касалось организации телевизионного дела в стране, управления телевидением, развития многопрограммности (многоканальности) телевидения. Как директор студии я принимал непосредственное участие в подготовке и открытии второй (местной) программы, отдал много сил разработке концепции и созданию третьей (учебной) программы Ленинградской студии телевидения (ЛСТ), что было тогда большим новшеством¹ и нашло поддержку руководителей города. В середине 1965 г. Ленинградскую студию телевидения посетила представительная делегация лейбористской партии Великобритании, которую наша учебная программа крайне заинтересовала. Один из моих гостей сказал тогда, что он видит в таком типе и форме телевидения мощное средство просвещения английского рабочего класса. Я не придавал его словам особого значения, но сказал, что общественный успех нашего учебного канала определен близостью его содержания профессиональным интересам целевой аудитории — инженеров и научных сотрудников предприятий и НИИ Ленинградского Совнархоза, студентов технических вузов города. Через год, после прихода к власти лейбористов, в Англии появился "виртуальный" и общедоступный образовательный институт, вошедший в историю под названием "Открытого университета" (Open University).

Многое решили мои отношения с В.Ядовым, предложившим конкурентную идею — поступить в очную аспирантуру философского факультета ЛГУ и защитить кандидатскую диссер-

¹ Фирсов Б.М., Прасолов Р.С., Серобабин А.И. Телевидение и обучение. М.: Искусство, 1972.

тацию по социологии, в основе которой лежало бы эмпирическое исследование ленинградской телеаудитории. Руководители Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР не без сожаления освободили меня от должности директора ЛСТ, уступив настояниям обкома КПСС, и потому они приняли участие в моей судьбе. Было заключено негласное соглашение о том, чтобы после защиты диссертации найти способ создать условия для моей работы "на телевидении". С этой целью Председатель Комитета Н.Месяцев попросил Министерство высшего образования найти возможность для моей стажировки в Англии.

Так я уже в сентябре 1967 г. оказался в Лондоне в качестве стажера факультета социальной психологии Лондонской школы экономики (LSE), одновременно "прикомандированного" к Службе исследований аудитории Би-Би-Си. Последняя была создана для изучения радиослушателей (начиная с 1935 г.) и телезрителей (начиная с середины 1950-х годов). Обе "принимающие стороны" сделали все для моей успешной деятельности: профессор Х.Химмельвейт¹ помогла мне освоить основы методов анализа аудитории. Х.Грин, тогдашний Генеральный директор Би-Би-Си, и сотрудники Службы исследований аудитории создали прекрасные условия для освоения опыта проведения опросов радиослушателей и телезрителей, а также практики использования результатов исследований в управлении радиотелевизионным вещанием страны.

Однако научно-практические занятия и сбор материалов для диссертации были прерваны. Имея разрешение на продление командировки до весны 1968 г., я получил в декабре 1967 г. официальное письмо Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР с предложением занять должность Генерального директора Советского телевидения — новой структуры, которая создавалась в связи с завершением строительства телецентра в Останкино.

Триумфатором я не стал. После прибытия в Москву мне позвонил по телефону в гостиницу заведующий сектором отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС В. Московский и пригласил на встречу. Испытывая некоторое чувство смущения (я это сразу почувствовал) он сказал, что обстоятельства вынуждают применить "обходную тактику" для занятия предложенного кресла. Обком КПСС в лице первого секретаря об-

¹ Профессор Хильде Химмельвейт (Hilde Himmelweit, 1918–1989) известна своими работами в области социальной психологии. Ее книга *Television and the Child* (1958) получила широкое признание в Европе и Америке.

кома В.Толстикова возражает против моего нового назначения хотя бы уже потому, что обком настаивал на моем освобождении от работы на студии телевидения.

Вечером того же дня я уехал в Ленинград проводить эмпирическое исследование ленинградской телеаудитории, благо я теперь знал, как это надо делать, и дописывать диссертацию. Срок занятий в аспирантуре истекал в феврале 1969 г.

Мой доклад о работе Би-Би-Си на коллегии Комитета по радиовещанию и телевидению в Москве весной 1968 г. занял несколько часов. Он был посвящен высоким профессиональным стандартам всех видов управленческой и творческой деятельности Би-Би-Си¹. Тогда это было разномыслием!

Коммуникационные исследования: 1969—1984 гг.
Вопрос: В 1979 г. ты защитил докторскую диссертацию по коммуникационным проблемам. Каковы были главные выводы твоих многолетних наблюдений и почему после защиты ты полностью отошел от этой темы?

Напомню прежде всего о кандидатской диссертации. Ее защита состоялась досрочно. За это ректор ЛГУ профессор К.Кондратьев наградил меня премией в размере месячной аспирантской стипендии. С вычетами это составило 83 рубля 47 копеек. Не только для меня, мамы и жены, на плечи которых легли многочисленные заботы о прокорме аспиранта-переростка, но и для большого числа моих друзей, телевизионщиков-сослуживцев, успешная защита символизировала победу над обстоятельствами, ответ на вызов судьбы². Я решил заниматься исследованиями процессов массовой коммуникации в стране и за рубежом. Речь шла о научных основах функционирования всей системы советской прессы, особенно телевидения, чье влияние на все стороны жизни населения становилось особенно ощутимым.

Вопрос с работой решился в считанные дни. Тогда под крылом академика А.Румянцева, директора ИКСИ АН СССР, собирались энтузиасты исследований советского общества. В конце

февраля 1969 г. я стал старшим научным сотрудником, а вскоре и заведующим сектором социальных проблем телевидения этого академического института. К этому времени за моими плечами был трехлетний опыт менеджера, как сказали бы теперь, крупной телевизионной компании. Я знал в деталях принципы программной политики советского и некоммерческого западного телевидения (Би-Би-Си, образовательные каналы США и др.). Под руководством В.Ядова, Х.Химмельвейт я хорошо освоил "кухню" изучения аудитории телевидения на основе современных социологических и социально-психологических методов. Наконец, у меня была идея, которую я намеревался внедрять в сознание общества и в практику.

Суть идеи — "человекоцентризм", ориентация любого канала массовой коммуникации на наиболее актуальные интересы людей, а не на прагматические сиюминутные цели политики и идеологии. Развивая эту идею, я исходил из некоторого социологизированного представления о телезрителе (радиослушателе, читателе газет), которому должно служить человекоцентричное телевидение. Я видел этого зрителя: 1) умеющим сопротивляться любым попыткам манипулировать его мнением; 2) обладающим особым чутьем на правду, которую не сможет заглушить даже самая изощренная телевизионная риторика; 3) способным отличать культурные суррогаты от подлинных произведений искусства; 4) понимающим и тонко чувствующим специфику и природу телевидения. Согласно этой идее, на смену неразборчивой телемании должны были прийти отношения, базирующиеся на равноправии сторон, диалоге, партнерстве, на осознании роли телевидения в жизнедеятельности советских людей и места советского человека в деятельности самого телевидения. Здесь многое происходило от "романтических мечтаний", не будь их, я не рискнул бы бросаться в останкинский телевизионный омут зимой 1967 г.

Останкинская история стала знаковой в моей судьбе. Дело в том, что махина нового, Останкинского телевидения вместе с большим числом подключенных к нему республиканских и городских телевизионных центров уже к 1970 г. забуксовала в предчувствии брежневской стагнации. Экранный маховик начал вращаться на холостом ходу, подбрасывая ежедневно миллионам своих потребителей образцы бравадного славословия и примитивную мозаику отредактированной, "свернутой" реальности. Приукрашивание действительности было, что называется, в крови телевизионной журналистики. Этим

¹ Фирсов Б.М. О некоторых направлениях в деятельности Британской радиовещательной корпорации М.: Изд-во Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР, 1968; Методы изучения аудитории английского радио и телевидения / Сост. Б.М.Фирсов // Информационный бюллетень Советской социологической ассоциации. М.: Изд-во ССА, 1969. № 41.

² Результаты изучения ленинградской телеаудитории опубликованы в: Фирсов Б.М. Массовая коммуникация // Журналист. 1967. № 2. С. 50-52; Он же. Среднего зрителя нет // Там же. 1967. № 12. С. 42-45; Он же. Ваше мнение о телевидении. М.: Изд-во Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР, 1968; Он же. Телевидение глазами социолога. М.: Искусство, 1972.

основательно подрывалась вера в правдивость экранных сообщений. Образцово-показательные ситуации и поступки становились на экране средством создания искусственной картины всеобщего благополучия. Все это оборачивалось бегством от правды советской жизни и, как следствие, оказывалось способом гашения, торможения социальной активности.

Этому телевидению зритель, а тем более такой, каким я грезил, вообще оказался не нужен. Во главе советского телевидения и радио встал идеологический чиновник-самодур С.Лапин, человек властный, беспощадный в преследовании не только инако-, но и разно- с ним мыслящих. Он одержимо обличал всех, кто работал вместе с его предшественником, Н.Месяцевым, которого он сменил на посту руководителя общесоюзного ведомства по радиовещанию и телевидению. Я был "человеком Месяцева" в бытность директором Ленинградской студии телевидения и потому, по логике С.Лапина, не заслуживал никакого доверия. С.Лапин несколько раз с высоких московских трибун главно обвинял меня в некритическом отношении к опыту Би-Би-Си, ставшей "заклятым противником" нашей страны вследствие "антисоветских" радиопередач русской службы.

Сюжетов на тему "Фирсов — агент Би-Би-Си" С.Лапину было явно мало, и он переключился еще на одну тему. В комсомольские годы я подружился с И.Пеликаном, президентом Международного союза студентов. Мой приход на ленинградское телевидение совпал по времени с назначением И.Пеликана на пост директора Чехословацкого телевидения. Мы сделали многое для развития отношений сотрудничества и поддерживали личные отношения вплоть до момента, когда И.Пеликан, один из лидеров "Пражской весны", был вынужден сначала уйти в подполье, а затем покинуть Чехословакию. И.Пеликан нашел способ выразить мне дружеское сочувствие при изгнании из телевизионного рая. В 1966–1967 гг. я встречался с ним в Москве и имел честь и удовольствие принимать его у себя дома. С.Лапин предпочитал недвусмысленно намекать на то, что друзья-приятели И.Пеликан и Б.Фирсов могли свить гнездо антисоциалистической оппозиции в нашей стране.

Стало ясно, что идею человекоцентризма советского телевидения надо откладывать до новых времен, не зная, когда они наступят. Однако терять приобретенную нелегким трудом научную форму, утрачивать позиции одного из лидеров исследований в сфере массовой коммуникации, "работать в стол" не хотелось. В итоге я переключился на изучение путей развития мас-

совой коммуникации в мире и с этой целью возбудил ходатайство о предоставлении стипендии ЮНЕСКО. Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО, рабочий орган МИД СССР, проявила неординарный интерес к моей заявке. Стипендия была предоставлена. Осень и начало зимы 1972 г. я работал в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, изучая богатейшие и малоизвестные в нашей стране сведения о росте электронных СМК в условиях развитых и развивающихся стран и об особенностях их коммуникационной (информационной) политики. Различия в языках, на которых об этом говорил мир и Советский Союз, были драматическими. В первом случае имелись в виду социокультурные и технические условия для планомерного и растущего по своим масштабам распространения информации, культуры и образования, во втором случае — мировой конфликт идеологий и способы защиты советского населения от буржуазного влияния. Учить тогда мировому опыту советские партийно-государственные инстанции было дело бесполезным. Становилось понятным, что и здесь социологическая тропа, как ни петляй, выведет лишь к светлому зданию социализма с человеческим лицом, где ничего не надо менять, настолько совершенны советское телевидение, радио и печать — верные и боевые помощники Коммунистической партии Советского Союза. Собранные ценой больших усилий документы ЮНЕСКО, труды канадца М.Маклюэна и десятков других зарубежных авторов помогли мне написать добротную диссертацию по проблемам развития массовой коммуникации в мире. Однако ее успешная защита (1979 г.) только усилила впечатление, что общественный спрос на серьезные исследования постоянно падает. Стагнация общественной жизни как системное заблуждение социума не могла обойти социологию¹.

Хотя, замечу, инерция первых, стартовых усилий по изучению массовой коммуникации действовала непредсказуемо длительное время, вплоть до начала 1980-х годов. Исследования в 1970-е годы мои и моих коллег стали широко известны за рубежом. Мы установили сотрудничество с Научным центром по изучению массовой коммуникации Венгерского радио и телевидения (Тамаш Сечке, П.Тамаш, И.Ковач и их

¹ Материалы, собранные в ЮНЕСКО, были частично рассмотрены в кн.: *Фирсов Б.М.* Пути развития средств массовой коммуникации. Л.: Наука, 1977 и использованы в докторской диссертации: *Фирсов Б.М.* Массовая коммуникация в условиях различных социальных систем: Дисс. ... д-ра филос. наук. Л., 1979.

коллеги)¹, университетом Тампере (школа профессора Каарле Норденстренга)². Однако мы не смогли обойти запреты на сравнительные международные исследования, на открытый и бескомпромиссный диалог с нашими зарубежными коллегами, вынужденно ограничились сотрудничеством семинарами и научными публикациями общего характера. Главный итог международного сотрудничества весьма характерен для тех лет, это — интенсивное развитие профессиональных связей и человеческих отношений, во многих случаях переросших в многолетнюю и прочную человеческую привязанность, которая сохранила свою силу и потенциал до настоящего времени.

Вхождение в миры общественного мнения: 1971–1984 гг. Вопрос: Я вместе с тобой хоронил надежды на общественный интерес к исследованиям массовой коммуникации. Но, возвращаясь к событиям 35-летней давности, я не могу не спросить у тебя, ради истины, почему, держа вместе со всей партией курс на стагнацию, обком КПСС решил проводить опросы общественного мнения да еще не по городской тематике, а по вопросам отношения населения к политике КПСС (на примере партсъездов тех лет) ?

Я не могу исчерпывающим образом ответить на этот вопрос. Формальный ответ состоит в следующем. В 1969 г. ЦК КПСС принял постановление о состоянии и мерах улучшения партийно-политической информации. К выполнению этого постановления обком первоначально привлек группу социологов-преподавателей Ленинградской высшей партийной школы во главе

с А.Здравомысловым, изучавших эффективность внутрипартийной работы. Но главное состояло в другом — обком решил создать собственный надежный канал для регулярного сбора информации о настроениях трудящихся с опорой на научные силы всего города.

Решение необычное, но об истинных мотивах его только могу догадываться. Отсюда неформальный ответ (гипотеза) состоит в другом. В силу разных причин к тому времени возросла информационная автономия органов государственной безопасности. Один мой знакомый, генерал КГБ, рассказывал мне в ту пору, что его учреждение располагает банком данных, разносторонне характеризующих едва ли не все стороны жизни страны в целом и по регионам. Иными словами, КГБ СССР знал больше, чем ЦК КПСС. Часто от высших чинов КГБ зависело, что следует сообщать "наверх", в какой форме, с какими степенями подробности и т.д. Такую же селекцию данных производили местные партийные органы, направляя отчеты и сводки в отделы и секретариат ЦК КПСС. Автономизация информационных ресурсов становилась явлением общесоюзным. Едва ли не всякий руководящий орган хотел обладать информацией, доступа к которой не имели бы другие органы.

Дело это было совершенно новым в тогдашних условиях и не могло обойтись без экспертизы, консультаций, без зондажей общественных настроений. В начале 1970 г. исследование общественно-политической активности рабочих проводилось социологами ВПШ и ИКСИ АН СССР. Исследовательский потенциал социологии получил высокую оценку. Это ускорило процесс создания "специализированной" системы по изучению общественного мнения работающего населения Ленинграда на основе предварительной проработки и проектирования всех стадий сбора и анализа исходной (первичной) информации. Мне также удалось доказать "заказчику", что запуск такой системы в действие не может происходить без крупных натуральных экспериментов, которые бы раскрывали потенциал системы. Ну, а дальше я нашел и позвал тебя, Борис Зусманович, и вместе с небольшой группой помощников (твоих и моих сослуживцев из ВПШ и ленинградских секторов ИКСИ АН СССР мы совершили "прыжок в неизвестное" — провели по всем правилам опрос общественного мнения об отношении рабочих и служащих Ленинграда к решениям XXIV съезда КПСС. Нам, как ты помнишь, этого показалось мало, и мы повторили опрос через два месяца с целью проверки устойчивости полученных данных.

В чем состоял расчет, если так можно выразиться? С научной точки зрения было важно не дать

¹ Массовая коммуникация в социалистическом обществе / Под ред. А.В.Дмитриева, Н.С.Мансурова, Т.Сечке, П.Тамаша, Б.М.Фирсова. Л.: Наука, 1979; A tomegkommunikacio a szocialista tarsalalom eleteben / Szerkesztette A.V.Dmitrijev, B.M.Firsov, M.Manszurov, T.Szecsco, P.Tamas. Budapest: Akademiai Kiado, 1980; Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Материалы 2-го советско-венгерского симпозиума, Ленинград, 17-23 сентября 1977 г. / Отв. ред. Т.Сечке, Б.М.Фирсов. Будапешт; Л.: Изд-во Научного центра Венгерского радио и телевидения, 1979; Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Материалы 3-го советско-венгерского симпозиума, Будапешт, 18–22 сентября 1979 г. / Отв. ред. Т.Сечке, Б.М.Фирсов. Будапешт; Л.: Изд-во Научного центра Венгерского радио и телевидения, 1980; Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Материалы 4-го советско-венгерского симпозиума, Ленинград, 2-6 июня 1980 г. / Отв. ред. Б.М.Фирсов, Т.Сечке. Л.; Будапешт: Наука, 1981; Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Материалы 5-го советско-венгерского симпозиума, Ленинград, 21-27 сентября 1982 г. / Отв. ред. Т.Сечке, Б.М.Фирсов. Будапешт; Л.: Изд-во Научного центра Венгерского радио и телевидения, 1983.

² Social Role of Mass Communication. Report of the Second Finnish-Soviet Seminar. Tampere: University of Tampere, 1982; City — Way of Life — Mass Communication. Report of the Third Soviet-Finnish Seminar. Tampere: University of Tampere, 1984.

заглохнуть делу, начатому Б.Грушиным¹. К тому времени я твердо усвоил, что, если не удастся сделать что-то здесь и сейчас, надо продолжать в другом месте и в другое время. Небольшой коллектив сектора общественного мнения и массовой коммуникации ИСЭП АН СССР, куда, кроме тебя и меня, входили К.Муздыбаев, В.Сафонов, Н.Нечаева, О.Бурмыкина, В.Лосенков, М.Елизарова, Г.Булычева, работал увлеченно.

Мы с честью, скажу об этом без стеснения, преодолели свою часть дистанции. Была создана система для оперативных опросов общественного мнения различных слоев населения крупного города. Все, чем должна располагать такая система: надежные выборки, сеть интервьюеров, методики, математическое обеспечение обработки первичной информации на ЭВМ, все было содеяно и отвечало научным стандартам и критериям. Систему прокатили несколько раз (на примере изучения отношения населения к XXIV, XXV, XXVI съездам КПСС и других актуальных вопросов). Наш коллективный рекорд — разработка и апробация оперативного режима ("Экспресс-опрос" 2000 человек с выдачей первичных результатов в течение суток от момента начала опроса). Общее число исследований, проведенных в рамках специализированной системы (1971-1984 гг.) составило 15. Тогдашние цензурные условия и правило, согласно которому вся деятельность партии не подлежала оглашению в открытой печати, не позволили опубликовать результаты опросов общественного мнения в интересах партии. Когда-нибудь будут сняты замки секретности с этой работы, и я расскажу о ней подробно².

Вопрос: *Не мог бы ты вспомнить здесь о твоей встрече и беседе с Дж.Гэллапом? Уверен, это будет интересно не только мне.*

В 1977 г. я прошел стажировку при Институте Гэллапа в Принстоне. Сначала Дж.Гэллап отнесся ко мне сдержанно, наверное, это было реакцией на мой максимализм и настойчивость. Я изначально просил о разрешении провести одну рабочую неделю в стенах напряженно работающей организации и устроить мне встречи со всеми ключевыми фигурами, включая Дж.Гэллапа и его

сыновей, активных помощников и продолжателей дела своего отца. После краткого моего представления Дж.Гэллап взял кусок мела, передал его мне и произнес: "Идите к доске, посмотрим, что и насколько глубоко Вы знаете". Секретарше он сказал, что с мистером Б.Фирсовым намерен говорить долго, поскольку тот претендует на семь дней стажировки вместо разового ознакомительного визита. Мэтр спрашивал меня обо всем: понимании социальной роли феномена общественного мнения, методах его изучения, способах представления результатов исследований, этике взаимоотношений с респондентами и многом другом, включая мое собственное мнение о состоянии исследований в нашей стране.

В конце встречи он отвел 15 минут на мои вопросы и на объяснение в подробностях целей моего визита в Принстон. Я спросил его, в частности, об отношении сената и конгресса США к конкретным результатам опросов общественного мнения. Он сказал, что практически после каждых очередных выборов ему приходится заниматься социологическим ликбезом новых конгрессменов. Отправляясь на очередные слушания после состоявшейся избирательной кампании, он знает, что один вопрос ему будет задан в обязательном порядке: "Где гарантия, доктор Гэллап, что мнение двух тысяч американцев, на которое Вы ссылаетесь, представляет мнение основных слоев населения страны, а также населения в целом? Можно ли доверять Вашим результатам?" Ответ на этот "коварный" вопрос он сформулировал около 40 лет назад и с той поры воспроизводил его без изменений: "Для того чтобы оценить вкус приготовленного супа, вовсе не обязательно вычерпывать всю кастрюлю до дна. Достаточно хорошо перемешать суп и отведать одну ложку. Гарантии представительности сведений об общественном мнении — в высоком качестве выборки!". О том же позже меня часто спрашивали ленинградские партработники в периоды проведения опросов работающего населения Ленинграда по заданиям обкома КПСС.

Затем вошла секретарша, и был оглашен вердикт: "Этому джентльмену из России следует показать все, что он хочет видеть, устроить деловые встречи со всеми сотрудниками, которые его интересуют. Под его честное слово (обещание не публиковать научные материалы, ввиду того, что они являются собственностью коммерческой организации) снабдить образцами отчетов, методик, материалами, регламентирующими сбор информации об общественном мнении. Дать ему для чтения отчеты о наиболее типичных

¹ Докторов Б. Б.А.Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2-13.

² Самые общие сведения об организации опросов и их тематике см.: Алексеев Б.К., Докторов Б.З., Фирсов Б.М. Общественное мнение и социальное управление // Социологические исследования. 1979. № 4. С. 23-32; Ониже. Изучение общественного мнения: Вопросы организации исследований // Социологические исследования. 1981. № 1. С. 78-85.

исследованиях, включая маркетинговые". Перед прощанием Дж.Гэллап сказал, что Россия как партнер его очень интересует. Он хотел бы создать филиал в Москве или Ленинграде. Сразу этого не сделать, но начинать надо не откладывая дела в долгий ящик. Например, он готов провести на представительных выборках советско-американское исследование по любой теме, которую назовет советская сторона или я сам как представитель академического учреждения.

Вопрос: Помнишь, Игорь Кон спрашивал нас: "Борисы, что вы изучаете? Общественного мнения нет". Вместе с тем мне кажется, в конце 1970-х годов существовал оптимизм относительно частичной востребованности результатов изучения общественного мнения. Разделял ли ты этот оптимизм?

Нет, не разделял. Я чувствовал неустойчивость общей ситуации в стране и понимал, что она будет усиливаться. В 1975 г. нашей свободной научной жизни и работе в ленинградских секторах ИКСИ АН СССР пришел конец. Ленинградский обком партии, "встревоженный" быстрым ростом численности филиалов, отделений и секторов московских академических институтов социального профиля, решил объединить эти подразделения в рамках суперструктуры, получившей название Институт социально-экономических проблем АН СССР. Решение роковое для развития социальных наук в нашем городе, для обширного класса научных направлений. Серьезные цели для "сливания" этих направлений в одну емкость отсутствовали. Обком искал средство для формального объединения нескольких сот научных сотрудников под одной крышей с директором-единоначальником, единой партийной организацией, единым отделом кадров, первым отделом, общими для всех часами прихода и ухода с работы и прочими чертами безрадостного советского научного быта. Мы не подпали под влияние части общих уравнилельных и безликих преобразований по одной причине. Наш сектор в момент создания ИСЭП АН СССР имел статус подразделения, занимающегося исследованиями в интересах областного комитета КПСС и эксплуатацией специализированной системы по изучению общественного мнения. С этим должны были считаться руководители вновь созданного института. Другое дело, насколько им нравилась или не нравилась наша "экстерриториальность".

Параной засекречивания и борьбы с утечкой информации достигла пика к началу 1980-х годов. Партийно-государственная система, с одной

стороны, расширяла производство потоков социальной информации в своих интересах, зная наперед, что, став собственником этой информации, она засекретит ее и регламентирует доступ к ней не только "извне", но также "изнутри". В указанном смысле судьба наших социологических опросов была, что называется, незавидной. Их результаты были известны только первым лицам в областной партийной иерархии, редко — среднему звену и никогда — рядовым коммунистам, не говоря уже о населении города — субъекте и носителе общественного мнения. Эти результаты скрывались даже от работников ЦК КПСС, которым, вообще говоря, было известно, что в Ленинграде функционирует система изучения общественного мнения на базе использования новейших методов сбора и обработки информации. Дело доходило до курьезов. Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Ю.Андропов решил улучшить состояние советского здравоохранения. Для этого срочно потребовались данные о том, как оценивают медицинское обслуживание советские граждане. Один из референтов ЦК КПСС позвонил мне и спросил, не располагаю ли я какими-то надежными сведениями на сей счет. Я ответил утвердительно, но сказал, что выслать нужные сведения не могу. Требуется официальный запрос из ЦК КПСС в обком КПСС.

Запрос состоялся, но референту пришлось сказать секретарю обкома, что "навел" его на нужный источник сведений Б.Фирсов. Возник служебный скандал. "Дознавателей" в лице сотрудников общего отдела обкома интересовала не столько просьба из секретариата Ю.Андропова и способ ее скорейшего удовлетворения, сколько причины разглашения "тайны". "Возмутительный" случай был доложен Г.Романову — партийному руководителю Ленинграда в ранге члена Политбюро ЦК КПСС. "Хозяин" тоже возмутился и повелел информацию не передавать, впредь оберегая ее от возможной утечки. Шел декабрь 1983 года...

Ну, разве может быть история без конца? Конец наступил и очень скоро. Нас с тобой привлекли к разработке проекта информационной системы ЦК КПСС. Мы отвечали за подсистему машинного (на базе ЭВМ) учета и анализа писем в ЦК КПСС от многих тысяч граждан, пытавшихся улучшить свою судьбу, решить свои наиболее болезненные проблемы. Зная, что письма в ЦК и особенно результаты их анализа будут бдительно охраняться общим отделом ЦК КПСС, мы заранее оговорили, что наш научный вклад будет состоять в разработке батареи методов машинного анализа текстов писем, включая

инструкции по кодированию, вводу закодированной информации в ЭВМ. Для апробации методического инструментария мы предложили создать экспериментальный массив информации из писем в Ленинградский Обком КПСС. Но теперь, после случая с запросом из секретариата Ю.Андропова, бдительность обкома партии возросла на несколько порядков. Кто может гарантировать, что ЦК КПСС не использует методический эксперимент для оценки деятельности обкома КПСС и положения дел в Ленинграде и области? Средства "защиты" стократно превысили средства "нападения". Г.Романов наложил вето на любые формы участия обкома КПСС в разработке информационной системы ЦК КПСС. Персонами *non-grata* были объявлены все сотрудники сектора общественного мнения и массовой коммуникации ИСЭП АН СССР во главе со мной. В тот же день у нас отобрали пропуска в Смольный и изъяли из спецотдела Института все материалы, связанные с многолетним изучением общественного мнения в интересах обкома КПСС. Но место их хранения известно.

Вопрос: *Последующую цепочку событий невозможно забыть, и все же мне представляется крайне важным твой рассказ обо всем случившемся...*

В один день я перестал быть социологом и поневоле превратился в этносоциолога. В октябре 1984 г. бюро Ленинградского обкома КПСС объявило мне строгий выговор с занесением в учетную карточку (ловлю себя на том, что уже сейчас доброй половине населения России пришлось бы долго объяснять, что значат эти слова) и освободило от занимаемой должности. В нашей легкой фронде была усмотрена угроза единоначалию ортодоксальных экономистов. У них возникло подозрение, что социологи покушаются на их власть. Начались "битвы русских с кабардинцами". "Гонители" наступали, будучи не очень разборчивыми в средствах борьбы с несогласными, "гонимые", как водится, оборонялись, но по преимуществу словом. Нападать на сотрудников, к тому же работающих по заданию партийных органов, было опасно, не зная, кто "за ними стоит". Тем временем запас недоброжелательства рос, и к моменту, когда сектор был выведен из партийной зоны, дирекция уже не могла сдерживать свое недоброжелательство и осенью 1984 г. перешла в наступление. Я не знаю досе, которое было собрано на меня. О его действительном содержании могу догадываться по "профессиональным" вопросам, которые мне прокурорским тоном задавал на бюро обкома КПСС начальник местного

управления КГБ генерал Носырев. Вот один из них, ключевой для генерала. Почему именно Вас, Фирсов, печатают за границей, в США, и как Вы к этому относитесь? Речь шла о переводах моих статей, опубликованных в журнале "Социологические исследования", который автоматически реферировался в американской печати на основе специального соглашения с ИНИОН АН СССР, о чем генералу КГБ следовало знать по чину.

Придрались, иначе не скажешь, к тому, что я передал своему финскому коллеге доклады сотрудников сектора на очередной совместный семинар. Их следовало размножить в Финляндии и выслать обратно в наш адрес. Доклады были стопроцентно просоветскими, отжатыми до сухого бессодержательного остатка. Более того, имелось разрешение Главлита (на мое имя) на вывоз и публикацию материалов за границей.

Жизнь среди этнографов: 1984—1989 гг. Вопрос: *После всех этих бурных событий ты мягко приземлился в Институте этнографии и взялся за освоение архива князя В.Н.Тенишева. Как тебе удалось его найти? Кто-нибудь его когда-либо изучал?*

Директор ленинградской части Института этнографии АН СССР Р.Ф.Итс предложил мне должность ведущего научного сотрудника в группе общих проблем и дал год на освоение новой для меня дисциплины. Моим главным делом стало изучение материалов Этнографического бюро князя В.Н.Тенишева (1843-1903), не успевшего осуществить главный замысел, ради которого он затеял грандиозное по тем временам этнографическое предприятие, — написать двухтомный труд под названием "Быт великорусских крестьян-землепашцев". Но это окончательная формулировка темы моей научной работы. Первая формулировка была связана с легендой, согласно которой Тенишев на сломе двух веков обратился к представителям образованных и правящих классов России с предложением представить судьбу России, какой она будет через 100 лет. Согласно все той же легенде, утверждалось, что отвечали респонденты с величайшим старанием. Очень скоро я убедился, что действительно все было не так. С высоты позиции, очищенной от догматической предубежденности, В.Н.Тенишева справедливо считать пытливым, заинтересованным исследователем повседневной жизни русского народа, стремившимся повысить полезность этнографического знания. Он оставил нам богатейшее культурное наследство — бесценный архив коллективной памяти о великорусских крестьянах. Ввести его

в научный оборот (главная цель работы) значило бы обогатить источниковую базу исследований культуры русского этноса. Эта цель была достигнута. В свет вышло тщательное описание материалов бюро (чего раньше не делали этнографы, хорошо знакомые с архивом Этнографического бюро) на примере дел одной губернии¹.

Этнографический дебют оказался удачным, но все-таки в ушах все время звучали социологические трубы.

Второй раз в ту же реку: 1989–1995 гг. Я не герой перестройки и, тем более, не прораб, как плеяда моих друзей "шестидесятников". Я исполнил все ритуалы того времени — голосовал за М.Горбачева, пока не иссяк запас его интеллектуальной энергии и решительности, утром первого дня путча вышел из рядов КПСС, прошагав в ее рядах 39 лет, и, естественно, без колебаний принял сторону Б.Ельцина. Однако во мне созрело твердое убеждение перейти на позиции принципиальной беспартийности и не открывать беспроцентного кредита ни одному из лидеров страны, чье правление придется на последнюю половину моей жизни. К тому же в момент, когда я получал последний, надеюсь, подзатыльник от местных властей осенью 1984 г., я сказал самому себе: "Радуйся! Ты стал свободным от них".

Но тут наступил период общественной реабилитации и признания научных и человеческих заслуг В.Ядова. Он стал первым профессиональным социологом, допущенным к руководству головным социологическим институтом в системе Академии наук СССР. В момент утверждения его в этой должности на заседании Президиума АН СССР Г.Марчук, тогдашний Президент Академии, задал В.Ядову дежурный вопрос. Согласен ли он принять на себя эту нелегкую ношу и нет ли у него специфических пожеланий? В.Ядов отказался от выпрашивания сверхлимитных благ по случаю восшествия на социологический трон страны. "Я, — сказал он, — приму назначение только в одном случае, а именно, если будет создан филиал Института социологии АН СССР в Ленинграде, где в заточении в стенах ИСЭП АН СССР томятся несколько десятков профессиональных социологов". Г.Марчук вздрогнул, а затем сказал, что идею надо поддержать. Создавать филиал пришлось мне.

¹ Быт великорусских крестьян-землепашцев (по материалам Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева) / Сост. и авт. вст. статьи, описания материалов Владимирской губернии и научно-справочного аппарата Б.М.Фирсов, И.Г.Киселева. СПб.: Изд-во Европейского дома, 1994.

1989–1990 гг. — единственные годы в истории советской социологии, эта наука оказалась востребованной. Обком дал безоговорочное согласие на создание нового института и утвердил его директором-организатором "опального" Б.Фирсова. Считанные недели заняла обычно многомесячная процедура сбора виз внутри отделов и управлений Президиума АН СССР. Я как-то сказал на одном из собраний Социологического института РАН — преемника филиала, что так ждут в семье ребенка, выстрадавшего прошлыми невзгодами. Жаль поэтому, что и сейчас социология остается невостребованной не только государством, что можно считать патологической нормой, но и обществом.

Три причины повлияли на мое решение оставить пост директора филиала в начале января 1995 г. Первая — драматическое падение уровня интереса государства к науке. Государство гарантировало лишь прозябание, будучи не в силах создать экономические, юридические стимулы для развития социального и гуманитарного знания. Вторая — самодостаточность части профессиональной среды. Третья — появление негосударственных (в любом случае не частных) форм научной и образовательной деятельности.

ЕУСПб — еще одно живое дело (начиная с января 1992 г.). Вопрос: Я помню, как ты начинал прорабатывать концепцию Европейского университета. Страшно было начинать это новое дело?

Затруднюсь вспомнить автора, который сказал, что все человечество можно поделить на три части. Первая часть, самая малая, — изобретатели огня. В любой науке, в социологии, например, в частности, их единицы. Вторая часть — люди, открывающие разные способы применения огня. Их больше, чем первых, но и не большинство. К большинству относится третья часть — те, кто греется теплом от огня, изобретенного и добытого другими. В конце января 1992 г. мэр Санкт-Петербурга А.Собчак предложил мне возглавить организационный комитет по созданию негосударственного образовательного учреждения, вскоре нареченного его основателями Европейским университетом в Санкт-Петербурге, именем, закрепленным в конце 2004 г. актом государственной аттестации.

Я принял это предложение, тем более, что оно совпало с моим тогдашним настроением перейти из третьей во вторую лигу "игроков с огнем". Дюжина лет, отданных служению идее ЕУСПб (ректор-организатор, ректор в течение двух сроков, с 1997 по 2003 г.), международная и российская репутация этого единственного в стране аспирантского колледжа в области социальных

и гуманитарных наук дают мне право рассматривать эти годы как самый счастливый и результативный период моей профессиональной деятельности. Был реализован проект, авторов которого первоначально считали городскими сумасшедшими, настолько нереальным казались замысел и его подробности.

Вопрос: Не считаешь ли ты важным назвать структуры или акторов, помогавших и помогающих университету?

Скажу еще о новых субъектах и их роли в создании и судьбе ЕУСПб. *Учредители* (КУГИ Администрации Санкт-Петербурга, Социологический институт РАН, Петербургский экономико-математический институт РАН, СПб союз ученых) взяли на себя "родительские обязанности" на "всю оставшуюся жизнь". От них в родословной ЕУСПб обозначилось право на поддержку со стороны Правительства и Законодательного Собрания ЕУСПб. Без этого, сознаюсь, было бы трудно выйти "в свет", "выбиться в люди". Оба выражения здесь будут уместными. Члены *Попечительского совета* выступили в трех одинаково важных и бескорыстных ролях. Одна из них — поручительство своим именем за академическую репутацию университета. Суть второй роли — экспертиза стратегии развития университета. Третья роль — поддержка словом и делом повседневной деятельности университета. При взгляде "снизу вверх" Попечительский совет — инстанция моральной ответственности ректората и подразделений ЕУСПб за качество жизни в российском и международном образовательном и научном сообществе. Три главных *спонсора* (число их на самом деле гораздо больше) — Фонд Форда, Фонд МакАртуров, Международная программа поддержки высшего образования (Институт открытое общество, Фонд Сороса) — помогли создать условия для обучения талантливой научной молодежи из Санкт-Петербурга и других регионов страны, соответствующие самым высоким международным стандартам.

Имею честь и обязанность заявить, что беспрецедентную по своим масштабам и многолетнюю помощь спонсоров отличало и отличает полное отсутствие "аннексий и контрибуций", что в переводе с раннебольшевистского языка на современный означает выполнение добровольно принятых спонсорских обязательств без каких бы то ни было предварительных условий идеологического или политического характера. Чем больше выветривается альтруизм из нашего национального менталитета, тем сильнее растет подозрительность, что альтруизм отсутствует у других наций. Как гражданин России я выра-

жаю сожаление, что вклад международных благотворительных фондов в поддержку российского образования и российской науки не встретил душевного отклика у властей моей страны и остался неотмеченным. Ни извиняться, ни благодарить мы по-прежнему не умеем.

В поисках самого себя. Решение оставить ректорский пост я принял без колебаний еще в период выборов на второй срок (весна 2000 г.). Официально заявил об этом год спустя, попросив Попечительский и Ученый советы озаботиться поиском преемника. Альтернативных кандидатов не появилось — слишком большими достоинствами обладал номинированный мною и поддержанный университетским электоратом Н.Вахтин, сын и единомышленник Б.Вахтина, проработавший со мной все эти годы в качестве заместителя председателя организационного комитета, а затем — первого проректора ЕУСПб. Январь-апрель 2003 г. я провел в стенах Института Кеннана (Вашингтон, США) в качестве стажера-исследователя высокого уровня, что дало мне возможность отключиться от многосложных ректорских обязанностей и заняться поиском-разведкой темы научных исследований на перспективу. Скрытый мотив моего отъезда в США — сознательное намерение оставить Н.Вахтина одного на капитанском мостике во время зимне-весенней навигации 2003 г.

Все годы ректорства я старался быть "играющим тренером" и поддерживать научную форму. В какой-то степени это удалось. Я написал книгу по истории советской социологии¹ и опубликовал около четырех десятков статей о том, что меня волновало и интересовало как социолога: историческая динамика советской и постсоветской культуры, судьбы научных элит и интеллектуалов в современном российском обществе, связи истории и социологии, проблемы развития науки и высшего образования и др. Чувствуя, что могу сделать гораздо больше, я все же не смог преодолеть гравитацию ректорского поста. Административная деятельность всегда оставалась на первом месте, научная — на втором, преподавательская — на последнем, да и в минимальных дозах. Ответ на вопрос о том, чем и во имя чего следует жертвовать, скорее всего, этический и личный. Мое решение состояло в том, чтобы наступить на горло собственной научной песне и, находясь на ректорском посту, при прочих равных условиях всегда отдавать предпочтение общеуни-

¹ *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001.

верситетским интересам. Удалось мне это сделать или нет, пусть судят университетские коллеги. Мое внутреннее ощущение состоит в том, что университет был для меня эти годы Большой Целью и никогда не был средством.

Вопрос: ...И теперь что..? Из Вашингтона я вернулся с двумя приобретениями. Одно из них — модель жизни в послеректорский период. Она опирается на идею самофинансирования научной деятельности, чему весьма активно и с высоким КПД учили и учат слушателей университета. Конечно, можно было внести на заседание ученого совета проект "Закона о Первом ректоре Европейского университета в Санкт-Петербурге". Прецеденты имеются. Не скрою, что мои коллеги спрашивали меня, чего бы я хотел. Я ответил, что предпочитаю уйти от всяких административных дел и тем более от попыток продолжать хотя бы в самой малой степени вмешиваться в руководство и управление университетом. Я хочу заниматься наукой и прошу предоставить мне рабочее место в стенах университета. Что касается денег, то я буду сам добывать их для себя, участвуя в международных и российских научных конкурсах и опираясь на статус, которым наделил меня университет. Так стал главным научным сотрудником ЕУСПб и получил два гранта на поддержку своих инициативных научных проектов.

Вопрос: Меня интересует выбор тобою тем для этих грантов. Они продолжение коммуникационных исследований, этнографических поисков,

наблюдений последних лет за тем, что происходит в стране..? Почему именно эти темы?

Грант *Фонда МакАртуров* — на индивидуальный проект "Ментальные миры современного российского населения". Могу повторить, что фатальная власть ментальности над нами непрерывно растет¹. В расплывчатости ее определенных ментальности и ускользании форм ее бытия заключены определенные преимущества, например, возможность ухватывать в анализе "нечто", что не попадает в фокус других наук. Именно такой способ познания выбрал М.Вебер, угадывая и открывая "нечто непознанное, но существующее" (дух капиталистической предприимчивости) в проявлениях "очевидного" (протестантская этика). Мне интересно проложить путь к открытию тайн ментальное™.

Фонд Форда поддержал еще один мой проект "Разномыслие в России 1953-1991 гг.: идеи, носители идей, роль культуры, искусства и науки". Тема этого проекта — социальная история разрушения монолита советской системы. Бесспорно, что эта история будет многократно переписываться ввиду постоянного открытия новых фактов и документов. Но все же я вижу особую пользу в том, чтобы она была предложена теми, чья сознательная жизнь и деятельность пришлась на советское время.

Результаты исследования я намерен изложить в книге, сложив их с личными впечатлениями о событиях прожитой жизни.

¹ Фирсов Б.М. Ментальные миры современного российского населения // Телескоп. 2003. № 4. С. 4-9; 2004. № 5. С. 2-8.

Авторы номера:

Гудков Лев Дмитриевич (Аналитический Центр Юрия Левады)

Докторов Борис Зусманович — независимый исследователь (США)

Дубин Борис Владимирович (Аналитический Центр Юрия Левады)

Левада Юрий Александрович (Аналитический Центр Юрия Левады)

Макнейл (Центр изучения пуб. политики при Университете Стратклайд, Глазго, Великобритания)

Мишлер Уильям (Центр изучения публичной политики и

Роуз Ричард (Центр изучения публичной политики при Университете Стратклайд, Глазго, Великобритания)

Хмелько Валерий Евгеньевич (Национальный университет "Киево-Могилянская академия", Киевский международный институт социологии, Киев, Украина)